

М. И. ВЕБЕР, Н. В. СУРЖИКОВА

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ВЗГЛЯД ЙОХАНА ПРИНСА

Авторы обращаются к условиям жизни военнопленных Первой мировой войны в Сибири, как они показаны в публикуемом очерке делегата Христианского союза молодых людей Й. Принса, побывавшего в российских лагерях военнопленных в 1917–1918 гг. Авторы находят в свидетельствах очевидцев российского плена не только и не столько реалии, сколько образы, за которыми, в свою очередь, стоят образы России в целом. Сам плен рисуется при этом не как особая вещная обстановка, а как тяжелое психологическое состояние.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Сибирь, лагеря военнопленных, Христианский союз молодых людей, эго-документы.*

Тема плена и пленных Первой мировой войны в России не относится к числу «заповедных». Посвященные ей работы исчисляются сотнями, что создает обманчивое впечатление освоенности ретроспективной проблематики¹. Впечатление это усиливается тем, что основой для созданных отечественными исследователями работ на тему плена является бесконечно богатый источниковый материал, представленный в первую очередь документами многочисленных государственных архивов — центральных, региональных и местных. Но все эти архивы «как главное место увековечения государства есть тот самый институт, который канонизирует, кристаллизует и систематизирует знание», востребованное именно государством и оставляющее за скобками возможность какого-то другого, инвариантного прошлого². Очевидно, именно в этой связи истории российского плена Первой мировой войны, представленные в специальной литературе, похожи друг на друга настолько, что уместно говорить об определенной схеме, в соответствии с которой они воссозданы³. Её деконструкции могут — и должны — поспособствовать свидетельства плена, появившиеся за пределами России и в массе своей до сих пор «незамеченные» российскими историками.

К числу нарративов, оставленных безо всякого внимания российскими историками, принадлежит, в частности, целая группа докумен-

¹ Библиографию темы см.: Суржикова. 2014. С. 374–408.

² Блоин, Розенберг. 2013. С. 135.

³ См. об этом подробнее: Суржикова. 2014. С. 42–53.

тов, оставленных иностранными миссионерами, приехавшими в Россию с целью помощи узникам войны⁴. Тяготая к числу так называемых эго-текстов⁵, ретроспективные источники, как представляется, способны не просто рафинировать или конкретизировать те или иные представления о российском плене. Они способны — ни много, ни мало — трансформировать эти представления, поставив под сомнение стереотипные интерпретации плена, а с ними — логики и интуиции, порожденные этими интерпретациями. При этом излишне, очевидно, говорить о том, что в отличие от нормативно-правовых и делопроизводственных актов с характерными для них формульностью и безличностью, эго-тексты всегда объемнее в освещении тех или иных человеческих состояний, ощущений и переживаний. Кроме того, субъективность, свойственная такого рода источникам, пренебрегающим фактологической точностью и склоняющимся к эссеизации повествования, позволяет разглядеть в свидетельствах «заезжих» очевидцев российского плена не только и не столько его реалии, сколько его образы, за которыми, в свою очередь, скрывались образы России в целом.

Всё это в полной мере относится к публикуемому нами переводу очерка «Жизнь в сибирских лагерях военнопленных» (*Life in Siberian prison camps*). Он появился в декабрьском номере ежемесячного иллюстрированного американского журнала «Скрибнерс мэгэзин» («*Scribner's magazine*»), выпускаемого в США издательским домом «Сыновья Чарльза Скрибнера» с января 1887 г. Главным отличием «Скрибнерс мэгэзин» от конкурентов стал богатый иллюстративный ряд, с 1900 г. включавший и цветные иллюстрации, что для толстых американских журналов было в новинку. Характерно, что именно в годы Первой мировой войны, когда месячный тираж журнала доходил до 200 тыс. экземпляров, «Скрибнерс мэгэзин» находился на пике своей популярности. Во многом этому способствовали публикации, посвященные войне, которые стали особенно злободневными после вступления США в войну весной 1917 г. К ним принадлежал и публикуемый очерк о жизни плененных иностранцев в лагерях Сибири и работе с ними представителей так называемого Христианского союза молодых людей (*The Young Men's Christian Association*, далее — YMCA)⁶.

⁴ К числу таких источников относятся, напр.: *Brändström*. 1920; 1927; 1929; *Kinsky*. 1976; *Montandon*. 1923; *Walsleben*. 1919; и др.

⁵ См.: *Зализняк*. 2010. С. 162–180; *Зарецкий*. 2008; 2012; *Мухеев*. 2007; *Савкина*. 2007; *Dekker*. 2002; *Ego-Dokumente...*; *Essais d'ego-histoire...*; *Paperno*. 2004; и др.

⁶ Перевод названия YMCA дается нами в соответствии с русскоязычной традицией, утвердившейся в исторических источниках и специальной литературе.

История YMCA началась в 1844 г. в Лондоне и была связана с именем английского проповедника Джорджа Вильямса⁷. Созданная им организация стремилась к распространению среди молодежи христианских протестантских ценностей, причем духовное и интеллектуальное совершенствование, по замыслу отцов-основателей союза, должно было идти рука об руку с физическим. Не случайно символом YMCA стал перевернутый вершиной вниз красный треугольник, стороны которого символизировали единение разума, тела и духа.

В 1915 г. YMCA, отделы которого действовали во всех европейских странах и США, запустил программу помощи военнопленным. После переговоров с правительствами воюющих держав сотрудники – так называемые секретари – YMCA, преимущественно американцы, получили доступ в лагеря для военнопленных в странах Антанты и Центральных державах. Секретарями союза здесь создавались «хижины» («huts») – своего рода опорные пункты YMCA, где имелись помещения для отправления религиозных нужд, аудитории для чтения лекций, залы для театральных постановок, хранилища спортивного инвентаря и т.п.

Российская империя, где находилось порядка 2 млн обезоруженных вражеских военнослужащих, также попала в сферу деятельности YMCA. 14 июня 1915 года представителю YMCA доктору Арчибальду Харту (Archibald Clinton Harte) удалось получить от имперских властей официальное разрешение на благотворительную работу в лагерях для военнопленных, которая, однако, изначально не поражала своими масштабами⁸. Поначалу в России работало всего два секретаря YMCA – в Москве и в Киеве. К марту 1916 года их было уже 6, а к декабрю – 19. По состоянию на май 1917 года секретари союза имели доступ в 68 пунктов водворения военнопленных, тогда как по оценкам самой YMCA пленники в России находились в почти 900 местах работ и содержания (771 в европейской части страны и 120 – в Сибири). Понятно, что в поле зрения YMCA попали в первую очередь пленные, томившиеся в крупных лагерях, располагавшихся на Востоке и Юге России, что подтверждает сам факт нахождения региональных отделений союза в Иркутске, Омске, Оренбурге, Ташкенте, Томске и Чите⁹. При этом учитывая, что в российских лагерях военнопленных постоянно находились прежде всего офицеры, не подлежавшие принудительному трудоустройству, очевидно также и то, что круг получателей созданных

⁷ Геккер. 1933. С. 4–7.

⁸ См.: Steuer. 2009.

⁹ См.: Service with fighting men. Vol. 2. P. 271, 272, 421.

усилиями YMCA благ сам собою сужался главным образом до нерадных пленников, о чем свидетельствует и публикуемый нами документ.

Так или иначе, но к началу 1917 года YMCA удалось создать в России не менее 50 библиотек для военнопленных, каждая из которых насчитывала от 100 до 4 тыс. томов. К маю 1917 года в 30 местах были открыты учебные курсы, которые в качестве учеников посещало свыше 20 тыс. военнопленных и в качестве преподавателей – более тысячи. В 31 лагере сотрудники YMCA организовали оркестры и хоры из военнопленных, для чего в Россию было привезено в общей сложности от 700 до 800 разных музыкальных инструментов. Важной задачей YMCA стала передача военнопленным посылок и денежных переводов от родных и близких, с доставкой которых российская почтовая служба едва справлялась. Есть сведения, что весной 1917 года через головной офис YMCA в Петрограде проходило до 300 посылок в неделю и до 11 тыс. рублей денежных переводов в месяц¹⁰.

Помимо того, для борьбы с недоеданием военнопленных и скудостью казенного пайка в Оренбурге, Томске, Енисейске, Иркутске и лагерях Забайкалья YMCA открыл собственные столовые. Здесь те пленные, у кого были деньги, могли купить по умеренным ценам дополнительные продукты. Вырученные от продаж средства расходовались на бесплатные пайки для неимущих военнопленных, ослабевших от болезней или плохого питания. Каждая столовая готовила и реализовывала от ста до 2,2 тыс. обедов в день. Позже было подсчитано, что в 1916–1917 гг. YMCA продавал военнопленным около 5 тыс. дополнительных обедов в день по цене от 20 до 27 копеек¹¹.

После вступления США в войну американские секретари YMCA по требованию германского правительства покинули Россию, а их место постепенно заняли нейтральные шведы, датчане, голландцы и пр. По соглашению с правительством А.Ф. Керенского осенью 1917 года в Россию прибыло около 50 секретарей YMCA на том условии, что теперь они будут помогать не только и не столько пленным иностранцам, сколько военным служащим русской армии. Однако уже в начале декабря 1917 г., когда около 40 секретарей YMCA собрались на конференцию в Москве, часть из них решила покинуть беспокойную Россию. Следующий отток посланцев YMCA не заставил себя ждать. В марте 1918 года, после конференции в Самаре, собравшей 73 секретаря YMCA во главе с новым руководителем миссии в России Итаном Колтоном (Ethan

¹⁰ Ibid. P. 276, 277, 281.

¹¹ Ibid. P. 278, 279.

Theodore Colton), 17 секретарей решили уехать, а 56 – остаться в стране для работы с гражданским населением и военнопленными¹². В период Гражданской войны и иностранной интервенции YMCA снова нарастил свое присутствие в России, действуя главным образом на территориях, «освобожденных от большевиков».

По подсчетам специалистов, в годы Первой мировой войны и непосредственно после неё благотворительную работу в России вели в общей сложности свыше 440 сотрудников YMCA¹³. Среди них был и автор публикуемого очерка – голландец Йохан В. Принс. О нём доподлинно известно только то, что высшее образование он получил на родине – в престижном Лейденском университете, затем продолжил свое обучение в США, где удостоился степеней бакалавра права и магистра гуманитарных наук. Как секретарь YMCA Принс прибыл в Россию в 1917 г., оказавшись, вероятно, одним из тех нейтральных волонтеров союза, которые должны были заменить американцев. В декабре 1917 г. Принс принял решение уехать из охваченной огнем большевистской революции Москвы в Сибирь. Его очерк о жизни военнопленных в лагерях Сибири отчасти основан на личных наблюдениях, полученных зимой 1917–18 гг., тогда как события 1915–16 гг. автор воспроизводил со слов своих коллег. Именно по этой причине, не рискуя отнести произведение Й. Принса к репортажу, воспоминаниям или литературе путешествий, следует отметить, что оно несет в себе черты сразу всех названных жанров, а также отпечаток личности автора. Излишняя драматизация положения пленных в лагерях и апелляция к стереотипным образам России выдают в Й. Принсе впечатлительного максималиста, свято верившего в свое дело, что, в свою очередь, экспонируют восторженные «эпитеты» в адрес YMCA и явно завышенная оценка его роли в деле помощи узникам войны, – помощи, имевшей в первую очередь моральное, психологическое значение.

Впрочем, читатель вправе составить альтернативный и, возможно, более полный портрет Й. Принса, приметы которого мы пытались сохранить посредством максимально «аутентичного» перевода, приводимого по изданию: Prins, Johan W. *Life in Siberian prison camps* // *Scribner's magazine*. Vol. 64. № 6 (Dec. 1918). P. 695–705.

¹² См.: *Ibid.* P. 419, 429–430.

¹³ *Davis, Trani*. 1974. P. 469.

Йохан В. Принс

Жизнь в сибирских лагерях для военнопленныхⁱ

Несколько месяцев тому назад, когда я готовился уехать из Читыⁱⁱ, расположенной к востоку от озера Байкал, после того, как провел там несколько месяцев за работой по помощи австрийским, венгерским и немецким военнопленным, мой слуга, простой немецкий солдат, щелкнув каблуками и вытянувшись по стойке смирно, рискнул спросить:

— Не нужен ли Вам слуга в Америке, сэр?

Я удивленно посмотрел на него:

— Но почему, Карл, в чем дело? Ты хочешь сопровождать меня?

— Да, сэр, мне бы хотелось.

— Разве ты не видишь, что это невозможно? Ты немец, и Америка находится в состоянии войны с твоей странойⁱⁱⁱ; наши власти никогда не впустят тебя в Соединенные Штаты, да и как ты сможешь сбежать из этой страны?

— Но я могу получить греческий паспорт, сэр.

Ну, я знал немножко больше, чем он, обо всех этих многочисленных фальшивых паспортах, которые использовались в Сибири, и хотя большевики не знали, как отличить фальшивый паспорт от настоящего, в других странах это бы сделали.

Итак, я уехал прочь, оставив у себя за спиной одного разочарованного парня, который так сильно и так искренне хотел, чтобы Край Свободы^{iv} стал его второй родиной, несмотря даже на тот факт, что эта вторая родина находилась в состоянии войны с первой.

Одного, я сказал; нет, сотни! Стольких и стольких можно было бы взять с собой. Много немцев и еще больше австрийцев и венгров, которые досыта наелись бюрократии и имперских высочеств, и хотели уехать туда, куда уже уехало так много их родственников.

Они были демократами. Многие из них стали бы хорошими американскими гражданами. Но вместо этого они были вынуждены оставаться в Сибири, подвергаясь воздействию бредней большевизма, пока, наконец, отчаявшись, многие из них сами не стали большевиками, снова взяв в руки оружие, чтобы сражаться против любого, кто начал бы сражаться с ними^v. Не из-за присутствия у них подлинного большевистского духа они поступали так, и не потому, что Германия и Австрия^{vi} подстрекали их на это, а просто потому что устали от всего и хотели хоть каких-то перемен.

А затем пришли чехословаки^{vii}, американцы^{viii} и японцы^{ix}, разбили их, и они снова стали военнопленными. Но на этих страницах я хотел бы рассказать о том, как жилось военнопленному до того, как он снова поднял оружие и обрел временную свободу.

Расхожее мнение о военнопленном сводится к мысли: «Ну что ж, он в безопасности. Его не могут убить», и о дальнейшей его судьбе не думают. Те, кто на фронте, более важны.

Но тот, кто имел возможность проследовать за немецким и австрийским военнопленным, открыл бы, что годы, проведенные в изоляции в Восточной Сибири, часто, очень часто, значительно тяжелее, чем годы, проведенные на фронте. Тысячи, десятки тысяч тех, кто попал в плен, всё еще живут там, начиная с самых первых месяцев войны, когда Австрия понесла свои самые большие потери. Им не досталось ни славы, ни почестей.

Они провели три или четыре года в новой для них стране в крайне тяжелых условиях, поэтому, иронизируя, многие из них с горькой улыбкой называют себя «почетными гражданами Сибири».

Заключенные зачастую вместе с тысячами других в концлагерь размером в 500 футов^x в длину и ширину, сидя в скверно построенных бараках, подвергаясь воздействию сибирской зимы и ужасных эпидемий^{xi}, они пассивно претерпели все революционные беспорядки, которые сотрясли основы страны, гостями которой они оказались не по своей доброй воле.

Сотни из них сошли с ума и были отосланы в Омск, где был создан концентрационный лагерь для повредившихся рассудком. Тысячи похоронены на кладбищах при концлагерях, которые были в Сибири в каждом маленьком городе, и десятки тысяч вернутся на свою «*Heimat*»^{xii}, навсегда физически и морально опустошенными, неспособными избавиться от этого бремени.

Но я не буду рисовать слишком пугающую картину, описывая тот год, что я провел в Сибири – даже военнопленные улыбаются. Однако, когда вы будете смотреть на мои зарисовки, не забывайте, что это всего лишь лучи света в монотонной и серой жизни военнопленных. А для начала давайте вместе посетим один такой концлагерь.

Живописная дорога, извивающаяся в горах, приведет нас в большой лагерь недалеко от Читы. Завернувшись в огромные меховые пальто, укутавшись потеплее в саях или коляске, мы едем через леса из хвойных деревьев и молодых берез, пересекая замерзшие реки и ручьи, и лишь изредка нам навстречу попадает путник с поклажей или сани, везущие в город дрова.

Внезапно, поднявшись на вершину холма, где лес переходит в кустарник, а кустарник мгновением позже уступает место равнине, мы видим на расстоянии небольшую деревеньку, состоящую из деревянных блокгаузов^{xiii}, на крышах которых видны дымовые трубы, и дым из них вьется клубами в прозрачном зимнем воздухе и исчезает в бескрайнем синем небе, – картина, напоминающая больше всего американский лагерь лесорубов.

Этот маленький городок имеет площадь не больше, чем две или три квадратные мили^{xiv}, и вокруг него, на расстоянии нескольких сотен ярдов^{xv},

везде стоят столбы с небольшими крышами-навесами на них. Это места, где когда-то стояли охранники лагеря, едва защищенные от падающего сверху снега, но прошлой зимой^{xvi}, когда большевики во многих лагерях дали военнопленным полную свободу^{xvii}, сторожа покинули свои посты, и тут остался один-единственный часовой.

Лагерь, в который мы сейчас въезжаем, – мужской^{xviii}. В 30 или 40 бараках, ранее использовавшихся русскими солдатами, сейчас обитают военнопленные. Возможно ли, спросит кто-то, войдя в такой барак, чтобы человек смог прожить здесь целых три года? За исключением проходов в середине и проходов с левой и правой стороны барака, всё пространство внутри (размером примерно 8 на 20 ярдов) занято двух-, а иногда трехъярусными кроватями, и вот здесь-то и прозябает 60 или 80 военнопленных, каждый из которых занимает свой небольшой уголок. За все эти годы ни у кого из них не было ни минуты уединения, и какой-нибудь несчастный обитатель нескольких квадратных ярдов на втором ярусе кровати зачастую не может даже встать во весь рост в своих владениях. Во время длинной, холодной сибирской зимы, когда никто не выходит из барака, если нет острой необходимости, военнопленные сидят внутри как сельди в бочке.

Особенно в самом начале заключения, когда здесь всего несколько книг, когда здесь не было совершенно никакой организации, часы темного зимнего дня тянулись медленно-премедленно, а военнопленным офицерам было еще тяжелей, потому что после того, как многие из них пытались бежать^{xix}, вокруг лагеря был построен деревянный забор, и они были совершенно отрезаны от внешнего мира. В течение двух долгих лет многие из них не видели ничего, кроме внутренней стороны этого деревянного забора, за исключением прогулок под охраной в баню, расположенную в нескольких минутах ходьбы от лагеря.

Многие из них искренне пытались избежать деградации, связанной с вынужденным бездельем. Всеми силами они пытались сбросить тяжелое бремя, упавшее на их рассудок, но только те из них, кто в годы, предшествовавшие заключению, развил в себе силу воли и характер, смогли это сделать. Да и что они могли? Они не могли ни изучать иностранные языки весь день напролет, ни гулять вверх и вниз по маленькой улочке лагеря.

Некоторые, обладавшие значительной силой и энергией, смогли сбросить своё тяжкое бремя. Они работали в интересах других, покупая еду для всего лагеря^{xx}, управляя маленькой продуктовой лавкой, или самостоятельным театром или оркестром^{xxi}, или же их выбирали официальными представителями для ведения всех дел с русскими властями^{xxii}. Большинство из них, однако же, потерпело неудачу. Многие поздно вставали, играли в карты или теннис весь день и проигрывали больше денег, чем были способны отдать из своих доходов, которые аккумулировались у них дома за три года

вынужденного заточения. Художники могли рисовать, но не могли творчески развиваться, так как не могли выбраться за рамки, которые наложили на их воображение 4 стены забора. Это потерянные годы, эти 3 или 4 года в Сибири, были потеряны почти для всех. Даже хуже, чем потеряны, ведь они окажут большое воздействие на будущую жизнь военнопленных, печальное и мрачное влияние страданий и вынужденного безделья; и когда эти люди вернутся домой, им не достанется ни славы, ни почестей.

Солдаты и офицеры в лагере очень радовались, когда их навещал представитель Красного Креста^{xxiii} или YMCA. Не только из-за продуктов, которые он привозил, но также и потому, что имели возможность поговорить с кем-то новым, не из числа тех, кто окружал их все дни напролет, — кем-то, привозившим свежие впечатления из внешнего мира.

Но не всех представителей принимали радушно. В течение 1915 г. и 1916 г. несколько делегатов австро-венгерского и немецкого правительств посетили лагеря для военнопленных в Сибири. Вероятно, представители российского правительства получили аналогичные права в лагерях Центральных держав^{xxiv}. Австрия послала в Сибирь нескольких графинь^{xxv}, старую знать, живое напоминание о феодализме, и когда одна такая графиня пришла в бараки для военнопленных, она привезла и рядовым, и офицерам, — о да, она привезла им всем, — «приветствия от имени Его Величества, нашего Императора и Короля, духовенства и дворянства», а сверх того — австрийскую атмосферу («Heimatliche Luft»)^{xxvi}. Как рады они были! Особенно, когда графиня раздала каждому по целому рублю, а тем, кто был из Радецкого кавалерийского полка^{xxvii}, — по два, потому что ее кузен служил офицером в этом полку. Она отведала за офицерским столом самые лучшие блюда, которые только мог бы приготовить хороший венский повар^{xxviii}. Но чем питались рядовые солдаты, она не узнала, поэтому, вернувшись домой, доложила, что с пленными в Сибири обращаются хорошо, — наш читатель может представить, как рады были военнопленные, когда они узнали об этом докладе. Ведь на самом деле они не были богаты, а обращались с ними плохо; они, будучи пленными, не рассчитывали на многое, но не получали даже необходимого^{xxix}.

Когда мы сравним этих пленных офицеров в Сибири, где иногда нет ни горы, ни холма, ни дерева им в утешение — ничего, кроме унылых, засыпанных снегом равнин, — с их товарищами в Англии, стране, в которой в их пользование предоставлены поместья, мы видим пример того, что судьба и удача означают на войне.

За стенами этих концлагерей проживались бедные одинокие жизни. Я знал одного майора, чьим главным занятием в неволе стало собирание сигарных бантов^{xxx}, другие обращали всё свое внимание на коллекционирование марок. Незначительные вещи занимали огромное место в жизни этих

людей. Другой майор хранил часы, на которых все еще было установлено австрийское время (он попал в плен три года тому назад), и он сказал мне с радостью, что никогда не переводил их. Всё здесь сделано с наивысшей степенью заботливости, медленно, потому что у военнопленных много времени. Написанные от руки письма выглядят как отпечатанные в типографии. Они расцвечены красными и черными чернилами, то тут, то там попадаете подчеркнутое слово. Писать такое письмо было облегчением; поэтому для военнопленного было важно потратить на этот процесс максимальное количество времени^{xxx1}.

Другие пленные проводили полдня со своей собакой, дрессируя ее различным фокусам, так что иногда собаки становились лагерными знаменитостями. А затем общественное мнение в лагере могло расколоться вследствие того, что у военнопленного «А» собака приносила щенят, он дарил их своему другу, и щенята начинали портить маленькие огороды^{xxxii}, которые устраивали товарищи этих пленных. Поэтому лагерь мог разделиться на владельцев собак и тех, у кого их не было, и дело могло принять серьезный оборот. Некоторые собаки могли таинственно исчезнуть без следа, и это происшествие становилось главной темой для разговоров на протяжении месяцев.

В других случаях свиньи могли быть вместо собак и приковывать внимание всех. Одна группа военнопленных, питающихся за одним столом, решила разводить свиней, и их примеру вскоре последовали и другие группы военнопленных. Но свиньи принесли в лагерь огромные трудности. Лагерь был очень маленький, и одна группа заключенных использовала в качестве загон для свиней пространство между двумя теннисными кортами, а другая – место рядом с госпиталем. Это вызвало протесты доктора и президента теннисного клуба, поэтому всех свиней собрали в один загон. Всё шло хорошо, пока свиньи были маленькими, но потом возникла проблема, как разделить их туши между австрийской и венгерской группами военнопленных. Кто-то всерьез предложил раскрасить половину свиней в желтый и черный (австрийские национальные цвета), а другую половину в красный, белый и зеленый (венгерские национальные цвета), чтобы можно было различать животных. Закончилось всё тем, что начальник лагеря запретил держать в лагере свиней, и следующие несколько недель весь лагерь ел одну свинину.

В другой раз офицеры в одном лагере захотели возвести памятник — мемориал погибшим на войне. Был нарисован эскиз памятника, на каждой из четырех сторон которого планировалось выгравировать одинаковую надпись-посвящение соответственно на немецком, австрийском, турецком и русском языках. Все были довольны, но внезапно некий венгерский еврей предложил, чтобы была сделана надпись и на иврите. По этому поводу было проведено много собраний, но никакого решения так и не нашли, ведь у памятника было всего четыре стороны! Лагерь разделился на две фракции, «за» и «против»

евреев. Один венгерский еврей, пытаясь разрешить спор мирным путем, предложил, чтобы надписи на иврите и венгерском языке были выгравированы вместе на одной стороне памятника потому, что большинство венгерских офицеров запаса были евреями. Это предложение вызвало великое изумление, и проблема осталась нерешенной, а памятник – непостроенным.

Ряд благотворительных организаций, таких как Датский и Шведский Красный Крест, а также международный комитет УМСА, попытались осветить искрой надежды эту беспросветную жизнь, в результате чего бараки Красного Креста и Красного треугольника — это самые популярные места в лагере для военнопленных. В них находятся театральные залы для выступлений и концертов, обувная мастерская, переплетная мастерская, столярный цех, художественная мастерская, кладовые, и т.д., и т.д. Всё выглядит игрушечным, примитивным, но эффективным. И, разумеется, в этих бараках есть библиотека из нескольких тысяч томов, в которой каждый день берут по несколько сотен книг; помещения для занятий, в которых преподаются как школьные предметы, так и семь или восемь иностранных языков, право, математика, гигиена и многие другие университетские курсы. Всё очень примитивно, помещения для занятий маленькие, трудности, с которыми сталкиваются, велики. Однако ко всему здесь относятся серьезно, и постоянно производятся улучшения. В помещении для церкви установлен небольшой орган, и католики так же, как протестанты и иудеи, проводят там свои религиозные службы. Но подлинной гордостью УМСА является кухня, «американская кухня», как ее называют во всех лагерях. Именно в ней многие из тех, кто был в госпиталях и всё ещё слишком слаб, чтобы встать на ноги на русском пайке, будут получать сытный обед в течение нескольких дней. Именно в ней бедняки, те, кто не получает никаких денежных переводов из дома, получают бесплатную еду. Именно в ней те из военнопленных, кто более удачлив и имеет в своем распоряжении несколько копеек, могут потратить их на покупку дополнительной еды. И именно в ней, опять-таки, установлены наиболее совершенные порядки. Все пленные занесены в каталог, и каждый съеденный обед заносится им на индивидуальный счет. Исполнительный комитет ведет контроль за записями, и членам комитета достаточно просто заглянуть в картотеку, когда военнопленный «А» жалуется, что с военнопленным «Б» обращаются лучше.

В некоторых лагерях есть катки, на которых играют в хоккей, а теннис, футбол, бейсбол и пинг-понг практикуются повсеместно.

Мясо должно быть закуплено, материалы для пошива обуви и одежды – заказаны; в оркестр, театр и школу должны быть поставлены ноты, музыкальные инструменты, книги и бумага; бухгалтерские счета должны быть утверждены, должны быть проведены конференции с участием Генерального штаба, с участием начальников лагерей и комитетов самоуправления военно-

пленных — и всё это в каждом из пяти или шести лагерей, которые прикреплены к одному секретарю YMCA.

Это хлопотная жизнь, жизнь секретаря YMCA. День за днем он проводит в поезде потому, что один лагерь для военнопленных находится на расстоянии сотен миль от другого, но высокая оценка его работы, которую дают везде, где он побывал, компенсирует ему те многочисленные бессонные ночи и тягостные дни, которые он проводит в российских почтовых поездах. Он чувствует, что даже после всего пережитого, он не является тем человеком, которого должен благодарить военнопленный. Он — всего лишь инструмент, посредством которого пленным доставляются товары, деньги и помощь. За его спиной стоит большая организация, стоят тысячи жертвователей, которые поддерживают эту организацию. Именно их должны благодарить военнопленные.

Столяр, обувщик, художник — все они имеют возможность заниматься своим трудом. Многие другие получают шанс выучить иностранный язык или дополнить свое образование чем-то ещё. Маленькая театральная труппа ставит самые современные пьесы. Музыкант обеспечен своим любимым музыкальным инструментом и нотами. Спортсмен получает мяч, чтобы играть, а студент — книгу, чтобы читать. Добиться того, чтобы пленные были постоянно чем-то заняты, ведь занятость спасет их рассудок от помрачения, не даст их мозгам «заржаветь» — вот самая важная задача.

Можете ли Вы по достоинству оценить то, что сделала YMCA? Осознаете ли Вы, что она спасла рассудок сотен пленных?

В конце декабря я посетил художественную выставку в одном из лагерей неподалеку от Читы. Школа была закрыта на каникулы и ее простенькие комнаты были использованы под выставку картин, гравюр, рисунков, шкатулок с резьбой по дереву, всё здесь было сделано руками военнопленных. Всего за несколько рублей тут можно было приобрести высокохудожественные картины или акварели. Но как же мало людей посещает эти художественные выставки в сибирских лагерях для военнопленных, и еще меньше тех, у кого есть деньги, чтобы купить на выставке предмет искусства!

Возьмите в свою руку этот миниатюрный черный шнурок. Это цепочка для карманных дамских часов. Знаете ли Вы, с какими трудностями пришлось столкнуться тому, кто ее изготовил? Посмотрите сперва, как изящно она сплетена. Сколько терпения и мастерства понадобилось для этого! И знаете ли вы, из чего сделан этот шнурок? Это волосы из конского хвоста. Как же сложно достать волос из хвоста русского коня! Пленные вынуждены быть очень дружелюбными с конями своих хозяев, они гладят их спину, и когда рука идет вниз, то иногда в ней остается волос из хвоста. Все конские волоски собирают и относят мастеру, в результате вы держите в своей руке эту цепочку.

А посмотрите вот на эту шкатулку. Нет, эти изображения вырезаны не по слоновой кости. Материал, с которым был вынужден работать мастер, это коровьи зубы, или же кости из супа, но результат получился не менее убедительным, чем из слоновой кости.

Мы посетили театральную постановку и концерт. В качестве вступления оркестр, состоявший из 40 человек, сыграл увертюру из оперы «La Muette de Portici»^{xxxiii}. Мои мысли унеслись в 1830 г., год революции, когда в жаркую летнюю ночь эту оперу играли в Брюсселе, и ее вдохновляющая музыка подтолкнула людей к первым актам насилия против властей, первым беспорядкам, которые в конечном счете привели к отделению Бельгии от Голландии^{xxxiv}. После концерта была сыграна пьеса Шницлера «Der Gruene Kakadu»^{xxxv}.

Сцена, на которой играли эту драму, была крошечной, но декорации были настолько хороши, что ты немедленно забывал о том, что это всего лишь кукольное представление, что даже самая маленькая вещь на сцене изготовлена самыми примитивными инструментами. Но ещё более важен вопрос: кто сделал это? Художник, нарисовавший эти декорации, работал раньше в Имперской опере в Вене, а человеку, сыгравшему главную роль, аплодировали на многих театральных подмостках Германии и Австрии. Тут были лишь твердые скамейки для удобства зрителей, но никакая публика в самом большом театре Вены не смотрела спектакль с большим вниманием, с большей искренностью, чем эти простые солдаты. Эти актеры были всего лишь солдатами, но с каким энтузиазмом, с какой самоотдачей они играли! Ты забывал, что они всего лишь любители!

Когда между Германией и Соединенными Штатами была объявлена война, нейтральные секретари YMCA заменили американцев, а когда, год спустя, многие военнопленные взяли за оружие, YMCA прекратила свою деятельность по помощи военнопленным. Те, кто взялся за оружие, встретили в лице секретарей YMCA своих самых ненавистных врагов.

Итак, жизнь военнопленного – это жизнь, которой способны противостоять лишь немногие. Судьба военнопленных более трагична, чем судьба тех, кто пал на поле боя. Всего лишь несколько тысяч человек, в большинстве своем морально и интеллектуально покалеченных, вернутся домой из сотен тысяч пленных, захваченных победоносными русскими армиями в 1914 г. и 1915 г. Три, четыре года великих невзгод заставили их разочароваться во всём на Земле — и в первую очередь в своих собственных правительствах. Их голоса и голоса вернувшихся с фронта солдат вскоре будут услышаны, и Габсбурги с Гогенцоллернами узнают, что кроме Антанты их существованию угрожает кое-кто ещё.

ⁱ Отправка пленных иностранцев в Сибирь практиковалась в России с начала освоения ее восточных окраин, превратившись в традицию (см., напр.: *Конов.* 2002. С. 21–23; *Шебалдина.* 2005; и др.). Первая мировая война ее не только продолжила, но и укрепила. По имеющимся данным, в Сибири уже к 1 января 1915 г. было размещено 257 тыс. военнопленных. В середине 1915 г. только на территориях Иркутского и Омского военных округов пребывало более 350 тыс. вражеских военнослужащих. К 1 января 1917 г. этот показатель несколько сократился, остановившись на отметке в 330–335 тыс. человек (*Греков.* 1997). Официально лагеря пленных иностранцев в Сибири – Тюмени, Тобольске, Петропавловске, Омске Иркутске, Никольск-Уссурийске, Томске, Барнауле, Бийске, Новониколаевске – были предназначены в первую очередь для венгров, немцев и турок, отнесенных российскими властями, в противовес пленным славянам, к так называемым «враждебным народностям». Однако «раскассирование» пленных по означенному принципу так и не стало реальностью, вступив в противоречие с идеей максимально полного использования труда пленников на различного рода работах (см.: *Суржикова.* 2012).

ⁱⁱ В Чите и ее окрестностях находился один из крупнейших лагерей военнопленных Первой мировой войны в России, изначально, однако, лагерем не называвшийся и принадлежавший к числу так называемых мест постоянного водворения пленных внутреннего района. Лагерь возник в 1915 г. и просуществовал до начала 1920-х гг. Наиболее крупная партия пленных – 8 тыс. человек – прибыла в Читу в середине 1915 г. Поскольку для властей это стало полной неожиданностью, городская Дума и губернатор обратились к владельцам доходных домов и населению с просьбой о выделении помещений. Часть пленников разместили в Чите, часть — в Антипихе (в 2 километрах от Читы), часть — в Песчанке (в 5 километрах от Читы). По данным Военного ведомства, на 1 января 1916 г. в Чите и ее окрестностях содержалось 31835 пленников, среди которых подавляющее большинство, почти 26 тыс. человек, составляли отвоёванные солдаты и офицеры австро-венгерской армии (см.: Российский государственный военный-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 6. Д. 167. Л. 1–6 об., 12, 13).

ⁱⁱⁱ США вступили в Первую мировую войну 6 апреля 1917 г.

^{iv} Расхожая метафора, взятая из текста неофициального гимна США, написанного в 1831 г. протестантским священником Сэмюэлем Смитом на мотив британского гимна «God save the Queen» и использовавшегося до 1931 г. В первом куплете «переименованного» британского гимна, в частности, пелось: «My country 'tis of thee, sweet land of liberty, of thee I sing; Land where my fathers died, land of the Pilgrim's pride, from every mountainside, let freedom ring!» (пер.: «Страна моя, тебе пою, свободы милый край, тебе пою я оду, Где мой отец вознесся в рай, праотцев гордый край, со склонов гор везде пускай, везде звенит свобода!»).

^v На Востоке России, по данным В.А. Данилова, отряды так называемых интернационалистов, сформированные посредством привлечения пленных Первой мировой войны, имелись не менее чем в 30 пунктах Сибири и не менее чем в 25 пунктах Урала. В районе, о котором пишет Й. Принс, то есть районе Читы, на Прибайкальском фронте, пленные воевали в составе таких частей, как 1-й Читинский интернациональный отряд (командир — Гримм, затем Мюллер), Ангарский батальон под командованием Унгара, интернациональные отряды под командованием Рейснера (Реннера), Штиллера, Бодеско-Михали, Кнюфке (по другим данным — некого Либкнехта), кавалерийский отряд (командир — Ремиш), бронепоезд «Защит-

ник трудового народа» под руководством Манхарта и Лихтенауэра, созданный рабочими читинских железнодорожных мастерских, артиллерийская батарея (командир — Лискай), два санитарных отряда под руководством Шебеко, Грюнберга и Паукера. Всего же в составе Красной армии в годы Гражданской войны находилось, по приблизительным подсчетам советских историков, до 300 тыс. интернационалистов (включая около 80 тыс. венгров, 100 тыс. поляков, 10 тыс. чехословаков и т. д.), что составляло лишь порядка 15 % от общего числа пленных иностранцев в России (Данилов. 1972. С. 60–65, 86, 87; Интернационалисты... С. 360; и др.). В этой связи приводимую Й. Принсом оценку участия пленников в борьбе «красных» с «белыми» трудно признать адекватной, хотя она была по-своему логична. Дело в том, что пропагандистский миф о массовой большевизации пленных активно использовался по обе стороны фронта. Для большевиков участие пленных в борьбе за «светлые идеалы Октября» стало важным аргументом в пользу идей всемирного пролетарского братства и неизбежности мировой революции, для антиреволюционных сил — средством дисциплинирования и консолидации своих сторонников, а также оправданием ужесточения режима плена на «освобожденных от большевиков» территориях.

^{vi} Здесь и далее имеется в виду Австро-Венгрия.

^{vii} Имеется в виду Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус, «мятеж» которого в мае 1918 г. стал прологом к Гражданской войне в России. История корпуса началась еще в октябре 1914 г., когда в Киеве была сформирована так называемая Чешская дружина. С марта 1915 г. в дружину стали зачисляться пленные чехи и словаки, а 31 декабря 1915 г. она была переименована в Чешско-словацкий стрелковый полк. В середине апреля 1916 г. полк был преобразован в Чехословацкую бригаду, к концу 1917 г. насчитывавшую в своем составе почти 40 тыс. человек. Осенью 1917 г. бригада была преобразована в 1-й Чехословацкий корпус. Силы корпуса, с 1918 г. формально считавшегося частью французской армии, принимали участие в Гражданской войне в России вплоть до середины января 1919 г., когда по приказу военного министра чехословацкого правительства генерала М.Р. Штефанека корпус был снят с фронта и отведен в тыл. В ожидании отправки на родину 1 февраля 1919 г. корпус был переименован в Чехословацкую армию в России, охранявшую, по решению союзного командования, участок железнодорожной магистрали от Новониколаевска до Иркутска, Омска и Томска. 1 января 1920 г. командование Чехословацкой армии взяло «под свою защиту» А.В. Колчака, но уже 15 января во имя обеспечения беспрепятственной отправки на родину, ни шатко ни валко продолжавшейся уже год, с 15 января 1919 г., выдало бывшего Верховного правителя представителям местной власти. 7 февраля 1920 г. на ст. Куйтун между правительством РСФСР и командованием Чехословацкой армии было подписано соглашение о перемирии, наконец-то позволившее чехам и словакам отправиться на родину. Последний транспорт с чехословацкими солдатами покинул Владивосток 2 сентября 1920 г. (см.: Клеванский. 1965; Bradley. 1965; Fic. 2006–2008; Kvasnicka. 1963; и др.).

^{viii} Как известно, американское присутствие в России было связано с опасением Белого дома за усиление на Дальнем Востоке японских позиций. Уже 12 декабря 1917 г., когда в бухте Золотой Рог появились военные корабли Японии, Токио был получен решительный протест правительства Соединенных Штатов. Через несколько дней рядом с японскими кораблями встал на якорь и американский военный корабль, что, вероятно, отсрочило японскую интервенцию в Россию, которая все-таки началась

5 апреля 1918 г. Американское же присутствие в России стало реальностью лишь во второй половине 1918 г., после того как 3 августа 1918 г. военное министерство США отдало генералу У. Грейвсу приказ об отправке во Владивосток 27 и 31 пехотных полков, а также добровольцев из 13 и 62 полков. Всего на Дальнем Востоке России США высадили около 9 тыс. своих солдат и офицеров. В апреле 1919 г. американцы вошли в межсоюзническое соглашение о железной дороге, по которому взяли на себя охрану Транссибирской магистрали на участках от Мысовска до Верхнеудинска и от Имана до Владивостока. При этом прямого участия в Гражданской войне на Востоке России Американский экспедиционный корпус так и не принял, за что его командование было не единожды обвинено в симпатиях к большевикам. 5 января 1920 г. генерал У. Грейвс получил приказ об эвакуации, которая продолжалась до 23 апреля 1920 г., когда последние члены Американского экспедиционного корпуса, включая самого Грейвса и его штаб, покинули Владивосток (см.: *Иванян*. 2007; *Мальков*. 1969; *Мельчин*. 1953; *Светачев*. 1983; *Melton*. 2001; *Saul*. 2001; и др.).

^{ix} С предложением послать японские войска в Сибирь Япония, ссылаясь на необходимость «защиты интересов держав», обратилась к странам Антанты уже в конце 1917 года. Излишне напоминать, что, не дождавшись их согласия, 5 апреля 1918 года японские войска высадились на территории России, нарушив тем самым Портсмутский мирный договор 1905 года. При этом Япония стала не только инициатором иностранной интервенции в Россию, но и обладала здесь самой многочисленной войсковой группировкой в 73 тыс. человек. Помимо частей регулярной армии, после начала интервенции японцами были сформированы вооруженные отряды из «резидентов» – проживавших в Приморье этнических японцев (в частности, в Благовещенске-на-Амуре был создан отряд численностью более 300 чел., действовавший под командованием японских офицеров). Японские войска оставались на территории континентальной России дольше всех – до конца 1922 г. (о выводе своих войск из Приморья Япония заявила только 25 октября 1922 г.). Оккупированный же в апреле 1920 г. Северный Сахалин Япония удерживала за собой до середины 1925 г., т.е. до установления дипломатических отношений с СССР (см.: *Григорьевич*. 1957; *Мельчин*. 1953; *Светачев*. 1983; Японская интервенция...; и др.).

^x Фут (*англ.*) – единица измерения длины в английской системе мер, равная 30,48 сантиметров.

^{xi} Эпидемии были одной из неизбывных проблем лагерей военнопленных в России. Советские историки подсчитали, что в 1915 г. эпидемии вспыхнули в 40 из них, в 1916 г. – в 25, в 1917 г. – в 33. (см.: Венгерские интернационалисты... С. 22–23). Только в Казанском военном округе неблагоприятная в эпидемическом отношении ситуация наблюдалась в Ардатове, Чистополе, Катав-Ивановском заводе, Оренбурге, Царицыне, Яранске, Слободском, Саранске, Симбирске и Тоцком. Последний и вовсе стал известен едва ли не на весь мир благодаря эпидемии тифа, начавшейся в конце 1915 г. и унесшей жизни нескольких тысяч пленных (см.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 185. Л. 78). Не лишним, однако, будет указать, что неблагоприятный эпидемический фон в местах пребывания пленных отражал общую ситуацию в стране, 39 губерний которой уже к середине 1915 г. были отмечены вспышками всевозможных заболеваний (см.: *Прохоров*. 2002. С. 60–61).

^{xii} Родина (*нем.*).

^{xiii} Блокгауз (*нем.*) – в буквальном переводе «бревенчатый дом». Чаще применялось для обозначения особого типа фортификационных сооружений, впервые примененных прусской армией в 1778 г. Очевидно, что Й. Принс имел в виду крестьянские избы, построенные из леса-кругляка.

^{xiv} Мíля (от *лат.* *mille passuum* – тысяча двойных шагов римских солдат в полном облачении на марше) – путевая мера для измерения расстояния, введенная в Древнем Риме и широко применявшаяся в странах Европы и Америке. Квадратная миля равна 2,59 квадратного километра.

^{xv} Ярд (*англ.*) – британская и американская единица измерения расстояния, равная трём футам (36 дюймам) или 0,9144 метра.

^{xvi} Имеется в виду зима 1917–1918 гг.

^{xvii} На самом деле полной свободы пленным большевики не давали. Просто провозглашенную ими идею освобождения военнопленных от «тюрьменно-лагерного режима» последние поняли буквально и в ситуации распада старых и слабости новых властных институтов не преминули ею воспользоваться. Но так продолжалось недолго. «Принимая во внимание, что распущенность военнопленных и почти полное отсутствие режима дошло до грозных пределов», созданное 4 июня 1918 г. совещание из представителей Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, Эвакуационной комиссии г. Москвы, Чрезвычайной комиссии по охране железных дорог постановило просить ЦИК о рассылке на места специального постановления, требовавшего произвести повсеместный учет военнопленных и их концентрацию в лагерях, а также приостановить перевозки пленным по стране, осуществляя их впредь только по предписаниям центральных учреждений республики. К середине же 1918 г. пленные были не только возвращены в лагерь, но и на принудительные работы, как того требовал приказ Центропленбежа № 38. Председатель Центрального исполнительного комитета Всероссийской революционной организации иностранных рабочих и крестьянских социал-демократов – интернационалистов, обращаясь в этой связи во ВЦИК, подчеркивал, что названный и ряд других приказов Центропленбежа «лишают военнопленных не только всякой свободы, но устанавливают для них режим гораздо хуже царского». Ответствуя, что прикрепление пленным к лагерям или местам работ и запрет на их передвижения вызван необходимостью их предварительного учета и регистрации, необходимых в свою очередь для выполнения обязательств по возвращению пленным на родину, ВЦИК, помимо того, отметил: «...Заявления эти являются результатом глубокой неосведомленности означенного Центрального комитета интернационалистов ни с нашей конституцией, построенной на социалистических началах, ни с декретами и распоряжениями советской власти по вопросам, касающимся иностранных подданных, ни даже с фактами действительной жизни военнопленных» (см.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 95. Л. 11, 26, 36–37 об.; Изв. Центропленбежа. 1918. 7 июля).

^{xviii} Женских лагерей военнопленных в России не было, хотя женщины среди них изредка встречались. Газета «Уральская жизнь», к примеру, в мае 1915 г. ошарашила свою аудиторию новостью о том, что военнопленный австриец, проживавший в одной из деревень Тюменского уезда, «оказался женщиной и на днях... родил». Другое издание, «Зауральский край», сообщило в октябре 1915 г., что «между отправляемыми за последнее время через Екатеринбург пленными были две немки-

добровольцы, солдаты пулеметной команды» (см.: Зауральский край. 1915. 15 окт.; Уральская жизнь. 1915. 19 мая).

^{xix} За время с начала войны до марта 1917 г. по стране было учтено 5350 бежавших солдат и офицеров противника и еще 6253 – за весну 1917 года, когда самовольные «миграции» вражеских военнослужащих обрели черты эпидемии, вызванной ««общеполитическими условиями, подсказывающими военнопленным мысль о сравнительной легкости добраться до границы» (Пермская земская неделя. 1917. 30 июля; Государственный архив Свердловской области. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 90, 90 об.).

^{xx} Пленные в лагерях, согласно установлениям военных властей, должны были довольствоваться из общего котла так называемым артельным порядком. В конце 1915 года во избежание злоупотреблений с продовольствием в помощь закупувавшим для лагерей провизию «русским» артельщикам стали назначать артельщиков из числа пленных. Пленные также должны были участвовать в приеме продуктов и отвечать за их вес и качество. В то же время дневальными, дежурными и кашеварами на лагерных кухнях также стали сами пленники (см. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 174).

^{xxi} О театральной и музыкальной жизни в лагерях военнопленных см.: Царева. 2012; Pörzgen. 1933; *Rachamimov*. 2006.

^{xxii} Такие представители появились в лагерях военнопленных после Стокгольмской конференции, проходившей в ноябре 1915 г. при участии национальных краснокрестных организаций Австро-Венгрии, Германии, Дании, России, Швейцарии и Швеции. Страны-участницы Первой мировой войны при посредничестве нейтральных государств при этом договорились, помимо всего прочего, об «учреждении... на началах взаимности в концетрационных лагерях военнопленных особых комитетов из представителей военнопленных». Каждый такой комитет предполагалось комплектовать минимум из двух офицеров. На каждые 4 тыс. военнопленных дополнительно избиралось по одному офицеру и врачу, а также несколько нижних чинов. На создание лагерных комитетов не сразу согласилась только Германия, но затем и она уступила (см.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 389, 397, 514).

^{xxiii} Лагерь военнопленных в России навещали представители Российского Красного Креста, а также нейтральных Дании и Швеции. Самую большую известность при этом снискала дочь шведского посла в России Эльза Брендстром, проработавшая в лагерях военнопленных пять с половиной лет и удостоенная за это пленниками звания «белого ангела Сибири» (см. об этом: *Двингер*. 2004. С. 173–174 и др.).

^{xxiv} России заключила соглашения с Германией и Австро-Венгрией о взаимных инспекциях лагерей военнопленных в июле и октябре 1915 г. (см.: *Нахтигаль*. 2007).

^{xxv} Австрийским Красным Крестом для осмотра лагерей военнопленных в конце 1915 г. в Россию были отправлены сестры милосердия графиня Анна Ревертера де Саландра, баронесса Илона Рошти (в российских источниках – Росте), Кэте фон Михалотцы (см.: *Нахтигаль*. 2007. С. 86–87). В середине 1916 г. в Россию с той же целью прибыли принцесса Кунигунде Крой-Дюльмен, графиня Паулина Штубенберг-Пальфи, графиня Нора Кински, баронесса Андорина фон Хусар (в российских источниках – де Бюсцар) и графиня Магда Цебриан (см.: Правительственный вестн. 1916. 5 июня). Скорее всего, Й. Принс пишет о первой миссии австрийских сестер милосердия, в ходе которой баронесса Рошти посетила Красноярск, Челябинск и Катав-Ивановский завод кн. Белосельских-Белозерских, делегатка фон Ми-

халотци – Бузулук, Пензу, Самару, Сызрань, Тоцкое и Ташкент, графиня Ревертера – Екатеринбург, Ирбит, Кузнецк, Никольск-Уссурийский, Оренбург, Пермь, Петропавловск, Тоцкое, Тюмень, Томск, Омск (см.: Вестн. Российского общества Красного Креста. 1916. № 2. С. 650–663). «...Общее впечатление, вынесенное нами от осмотра виденных нами лагерей военнопленных, сводится к тому, что громадные старания были приложены для осуществления благоустройства лагерей военнопленных в России. Дефекты, которые нам пришлось констатировать, происходят отчасти от местных условий, отчасти от неблагоприятных обстоятельств или от непредвиденных затруднений. Мы должны заявить, что мы нигде не встретили недоброжелательных намерений относительно военнопленных...», — значилось в отчете сестер, что, однако, не означало «близорукости» делегатов, приписываемой им Й. Принсом. На самом деле по итогам визита в Россию сестрами милосердия был сформулирован целый ряд требований, включая требование «упразднить» не приспособленные для содержания пленных помещения (напр., цирк в Омске), ввести в лагерях карантин для вновь прибывавших пленных, завести повсеместно дезинфекционные камеры, водить пленных в баню хотя бы дважды в месяц, расширить или прибавить помещения для стрики белья, свести до минимума перемещения пленных из одного лагеря в другой, облегчить получение военнопленными корреспонденции и денежных переводов, а также навести порядок в оплате труда пленных (см.: Вестн. Российского общества Красного Креста. 1916. № 4. С. 1245–1247).

^{xxvi} Ветер с отчизны (нем.).

^{xxvii} Имеется в виду 5-й гусарский (кавалерийский) полк имени графа Йозефа Радецкого (Husarenregiment Graf Radetzky № 5), существующий и ныне в австрийской армии как танковый.

^{xxviii} Питание пленных офицеров было значительно лучше питания нижних чинов в связи с тем, что первые, будучи привилегированной элитой среди пленников, получали, помимо пайка, денежное содержание в 50–100 рублей в месяц. Этим денег, как свидетельствуют источники, хватало не только на питание, вызывавшее зависть обывателей, но и на приобретение книг, посещение музеев, катание на лодках и даже оплату услуг интимного характера (см.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 132–133 об., 155–156 об., 193, 194, 199 об., 219–219 об.; Ф. 146. Оп. 1. Д. 83. Л. 57; и др.). Живописуя стол пленных офицеров, один из них писал на родину в 1915 г.: «Живем очень хорошо, такого житья желал бы и вам. Имеем свинину, зайцев, гусей, уток, кур, а на дворе воспитываем цыплят, утят». Однако через год-полтора, с ухудшением общеэкономической ситуации в стране, все изменилось. «Жизнь здесь крайне вздорожала, отдельные предметы – на 300 %, некоторых продуктов вовсе нет, например, сахару... Получаемых 50 рублей еле хватает на еду и мелкие расходы, о платье и белье надо забыть», – корреспондировали из офицерского лагеря осенью 1916 г. В другом офицерском письме, датированном январем 1917 г., сообщалось: «Товарищи раньше на 50 рублей жили с роскошью, а теперь из экономии сами стирают белье». К сентябрю 1917 г. экономия стала бессмысленной, так как деньги совсем обесценились: «Деньги здесь не имеют никакой цены. Жизнь невероятно, безбожно дорога, предметы поднялись в цене на 800–1000 %. На наши 50 рублей немудрено существовать» (см.: Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. И-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 268, 290, 334, 379).

^{xxix} По мысли А. Рачамова, иерархическое неравенство между офицерами и солдатами, напомиавшее о традициях XIX столетия, имело решающее значение для

характеристик российского плена, по крайней мере, до стремительной девальвации рубля в 1916 г.: «Военнопленные офицеры в России, независимо от того, где они содержались, пользовались условиями, которые намного превосходили условия жизни любой другой группы военнопленных. Можно даже сделать вывод о том, что в определенные отрезки времени (особенно зимой 1916–1917 гг.) уровень жизни пленных офицеров в России был значительно выше, чем уровень жизни гражданского населения на их родине» (см. подробнее: *Rachamimov*. 2002. Р. 98). При этом дело было не только в том, что пленным офицерам полагались жалование, денщики лучшие и помещения. Дистанция в положении статусных и нестатусных пленников определялась прежде всего привлечением последних к принудительному труду, и тогда как пленные офицеры жаловались, что от безделья они толстеют и «теряют фигуру», рядовые пленники в массе своей сравнивали плен с рабским полуугольным существованием (см.: ГАТ. Ф. И-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 91, 108, 157, 201 и др.).

^{xxx} Сигарный бант – кольцо из бумаги или фольги с логотипом сигарной марки, размещаемое на корпусе сигары.

^{xxxi} Здесь и выше Й. Принс описывает симптомы так называемого синдрома концентрационных лагерей или «болезни колючей проволоки», от которой страдали пленные Первой мировой войны как в России, так и в других странах (см., напр.: *Yarnall*. 2011). В наиболее концентрированном виде психологический фон этой болезни описывает экс-военнопленный Эмиль Ленгуел, отмечающий в своей книге «Сибирь»: «Наша жизнь настолько безрадостна и уныла, что мы должны найти некий искусственный стимулятор, чтобы сделать ее более терпимой. В каком-то смысле наше положение было еще более худшим, чем положение обычных преступников, приговоренных к определенному тюремному сроку. Они, по крайней мере, могли считать недели и месяцы, приближавшие их освобождение. Мы никогда не были более близки к свободе, так как нам казалось, что война не закончится никогда. Для молодых людей двадцати лет жизнь в лагере еле тянулась. Для нас она не двигалась вообще, она остановилась. Когда нечего ожидать, дни погружаются в невыразимое однообразие сибирской зимы. Вот почему мы вынуждены были гоняться за каждой крупницей иллюзии. Вот почему сибирский лагерь для военнопленных был миром фантазии, королевством *Fata Morgana*...» (*Lengyel*. 1943. Р. 193). Термин «болезнь колючей проволоки», введенный в 1918 г. А. Вишером, используется до настоящего времени для обозначения симптомокомплекса «тюремной психологии», который возникает у людей в ситуации насильственного ограничения свободы.

^{xxxii} Огороды, свинарники и курятники в лагерях военнопленных заводились в соответствии с приказом Верховного начальника Санитарной и эвакуационной части принца А.П. Ольденбургского. Считалось, что дополнительно получаемая таким образом растительная пища позволит уберечь пленных от цинготных заболеваний, а мясная – от куриной слепоты (см.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 83. Л. 225).

^{xxxiii} Опера французского композитора Д. Обера «Немая из Портичи» (1828).

^{xxxiv} Бельгийская революция – восстание в августе и сентябре 1830 г., закончившееся созданием независимого Бельгийского королевства путем отделения фламандской и валлонской, преимущественно католических франкоязычных частей Нидерландского королевства от его доминирующих протестантских северных провинций.

^{xxxv} Пьеса австрийского писателя Артура Шницлера «Зеленый попугай» (1899).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Блоун Ф., Розенберг У.* Споры вокруг архивов, споры вокруг источников // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? Сб. статей. М., 2013. С. 135.
- Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959.
- Геккер Ю.Ф.* Под знаменем Красного Треугольника. Нью-Йорк, 1933.
- Греков Н.В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. статей. Омск, 1997. С. 154–180.
- Григорьевич С.С.* Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918–1922 гг.). М., 1957;
- Данилов В.А.* Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972.
- Двингер Э.* Армия за колчужей проволокой: Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. М., 2004.
- Зализняк А.* Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010.
- Зарецкий Ю.П.* Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков // Социальная история. 2008. СПб., 2008. С. 329–340.
- Зарецкий Ю.П.* История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2012. № 3. С. 218–232.
- Иванян Э.А.* У истоков советско-американских отношений. М., 2007.
- Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. М., 1967.
- Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965.
- Конева А.Ю.* Правовой статус «немцев», «литвы» и «ясашных иноземцев» в Сибири XVII – начала XVIII века: опыт сравнительного анализа // Западноевропейские специалисты в России XV–XVIII веков: Тез. док. науч. конф. М., 2002. С. 21–23.
- Мальков В.Л.* Американские солдаты в Сибири // История СССР. 1969. № 1. С. 161–169.
- Мельчин А.И.* Разгром американо-японских интервентов на советском Дальнем Востоке в 1920–1922 годах. М., 1953.
- Михеев М.* Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX вв.). М., 2007.
- Нахтисаль Р.* Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915–1917 гг. // Опыт мировых войн в истории России: Сб. статей. Челябинск, 2007. С. 83–94.
- Прохоров Б.Б.* Здоровье россиян за 100 лет // Человек. 2002. № 2. С. 60–61.
- Савкина И.* Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007.
- Светачев М.И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922). Новосибирск, 1983;
- Суржикова Н.В.* Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций: теории центра и практики периферии // Cahiers du Monde russe. 53/1 (2012). P. 247–266.
- Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014.

- Шебалдина Г.В.* Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века. М., 2005.
- Царева Е.С.* Военнопленные Первой мировой войны в музыкальной жизни Сибири // Южно-Российский музыкальный альманах. 2012. № 1. С. 78–88.
- Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. М., 1934.
- Bradley J.F.N.* La Légion tchécoslovaque en Russie, 1914–1920. Paris, 1965.
- Brändström E.* Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien, 1914–1920. Berlin, 1920; Leipzig, 1927.
- Brändström E.* Among Prisoners of War in Russia and Siberia. London, 1929.
- Davis D.E., Trani E.P.* The American YMCA and the Russian Revolution // Slavic Review. 1974. Vol. 33. № 3.
- Dekker R.M.* Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history // Memoria y Civilización. Anuario de Historia. 2002. № 5. P. 13–37.
- Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte / hg. W. Schulze. Berlin, 1996.
- Essais d'ego-histoire / réunis et présentés par P. Nora. Paris, 1987.
- Fic V.* Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918. Praha, 2006–2008.
- Kvasnicka J.* Ceskoslovenske legie v Rusku 1917–1920. Bratislava, 1963.
- Lengyel E.* Siberia. New York, 1943.
- Melton C.W.* Between War and Peace: Woodrow Wilson and the American Expeditionary Force in Siberia, 1918–1921. Macon, Ga, 2001.
- Montandon D-G.* Deux ans chez Koltchak et chez les Bolcheviques: Pour la Croix-Rouge de Genève (1919–1921). Paris, 1923.
- Paperno I.* What Can Be Done with Diaries // The Russian Review. 2004. № 63. P. 561–573.
- Pörzgen H.* Theater ohne Frau: Das Bühnenleben der Kriegsgefangenen Deutschen 1914–1920. Königsberg, 1933.
- Rachamimov A.* POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front. N.Y., 2002.
- Rachamimov A.* The Disruptive Comforts of Drag: (Trans)Gender Performances among Prisoners of War in Russia, 1914–1920 // The American Historical Review. 2006. Vol. 111. № 2. P. 362–382.
- Saul N.E.* War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Kansas, 2001.
- Service with fighting men. An Account of the Work of the American YMCA in the World War: In 2 vol. Vol. 2. New York, 1922.
- Steuer K.A.* Pursuit of an «Unparalleled Opportunity»: The American YMCA and Prisoner-of-War Diplomacy Among the Central Power Nations During World War I, 1914–1923. New York, 2009.
- Walsleben M.* Die deutsche Schwester in Sibirien: Aufzeichnungen von einer Reise durch die sibirischen Gefangenenlager vom Ural bis Wladiwostok. Berlin, 1919.
- Yarnall J.* Barbed Wire Disease: British & German Prisoners of War, 1914–19. Stroud, 2011.
- Вебер Михаил Викторович**, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; mikeveber@mail.ru
- Суржикова Наталья Викторовна**, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; snvplus@mail.ru